

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Monstrous Regiment

Москва
2021

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Пехотная баллада

Москва
2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Terry Pratchett
MONSTROUS REGIMENT

Copyright © 2003 by Terry and Lyn Pratchett

Перевод с английского *Валентины Сергеевой*
под редакцией Михаила Назаренко

Художественное оформление *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Пратчетт, Терри.

П68 Пехотная баллада / Терри Пратчетт ; [пер. с
англ. В. С. Сергеевой]. — Москва : Издательство
Эксмо, 2021. — 448 с. — (Терри Пратчетт).

ISBN 978-5-699-61798-2

Что делать миролюбивой стране, которую окружили вероломные, злобные, воинственные враги? Правильно — призвать на защиту Отечества своих верных сыновей. Только как поступить, если сыновей-то практически и не осталось, а те, что есть, как бы это помягче, недосчитались конечностей еще с прошлого похода. Вот и приходится сержанту Джекраму и капралу Страппи вербовать кого попало в славный полк «Тудой-судой» — ведь у Отечества есть и дочери, раз уж сыновья... закончились. Короче, вперед, парни, к победе!.. Э-э-э, то есть девушки!

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-61798-2 ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Полли отрезала волосы, стоя перед зеркалом, и почувствовала себя слегка виноватой из-за того, что ничуть этого не устыдилась. Волосы были ее главной гордостью, все говорили, что они чудесны, но за работой Полли обычно собирала их под сеточку. Она твердила себе, что природа зря старалась, но все-таки позаботилась, чтобы длинные золотые пряди до единой упали на расстеленный платок.

Если какие-то сильные чувства и владели ею в эту минуту, то исключительно разочарование при мысли о том, что Полли не понадобилось ничего, кроме стрижки, чтобы сойти за юношу. Не пришлось даже бинтовать грудь (Полли слышала, что так делают всегда). Природа позаботилась, чтобы здесь у нее трудностей не возникло.

Результат возни с ножницами получился... слегка странным, но не хуже, чем бывают иные мужские прически. Сойдет. По обнаженной шее прошел холодок, но не только потому, что Полли рассталась с длинными волосами. Она чувствовала Взгляд.

Герцогиня смотрела на Полли со стены над кроватью.

Это была скверная гравюра, раскрашенная вручную, преимущественно в два цвета — синий и красный. Она изображала пожилую женщину; отвисший подбородок и слегка выпученные глаза могли навесить иного циника на мысль, что кто-то сунул ей в вырез платья рыбу, но в этом странном, безжизненном выражении лица художник сумел передать нечто большее. Глаза на некоторых портретах следят за тобой. Взгляд Герцогини пронизывал насквозь. Ее лицо было в каждом доме. Жители Борогравии росли с мыслью о том, что Герцогиня смотрит на них.

Полли знала, что такой же рисунок висит в комнате родителей. Когда мать была жива, каждый вечер она делала перед ним книксен. Полли протянула руку и перевернула гравюру лицом к стене. Внутренний голос сказал «нет». Но Полли одержала верх. Она уже решилась.

Потом она натянула братнину одежду, упаковала содержимое платка в мешочек, сунула его на дно сумки вместе с чистой рубашкой, положила записку на кровать, забрала вещи и вылезла в окно. По крайней мере, в окно вылезла Полли, но земли коснулись ноги Оливера.

Рассвет только-только превращал темный мир в монохромный, когда Полли проскользнула через двор харчевни. Герцогиня наблюдала за ней и с вывески. Отец всегда был верноподданным, по крайней мере, пока не умерла мать. Вывеску в этом году не подновляли, ее засидели птицы, и казалось, что Герцогиня косит.

Полли удостоверилась, что тележка вербовщика по-прежнему стоит перед трактиром. Яркие флаги повисли, отяжелев от ночного дождя. Толстяк сержант вряд ли собирался отправиться в путь раньше чем через несколько часов. У нее было много време-

ни. Этот тип скорее всего принадлежал к тем, кто завтракает не торопясь.

Она вышла через калитку в задней стене и зашагала по холму. Добравшись до вершины, Полли обернулась и посмотрела на просыпающийся городок. Из нескольких труб поднимался дымок, но в харчевне еще никто не встал, поскольку Полли всегда поднималась первой и будила заспавшихся служанок. Она знала, что вдова Кламберс осталась ночевать (отец сказал: «Дождь слишком сильный, чтоб отпустить ее домой»), и, честно говоря, надеялась, что так будет и впредь — ради отца. В городе хватало вдов, а Ева Кламберс была добродушной особой, которая вдобавок превосходно пекла пироги. Долгая болезнь жены и отсутствие Поля измучили отца. Полли радовалась, что он вновь обретает силы. Старухи, которые проводят целые дни, сердито глаза из окошек, непременно будут все разнюхивать, злиться и ворчать, но так всегда было. Никто их уже не слушает.

Она подняла глаза. В прачечной Работной школы для девочек уже топили печи. Школа грозно нависала над окраиной городка — большая, серая, с высокими узкими окнами. Там всегда царил тишина. Когда Полли была маленькой, ей сказали, что туда отправляются Плохие Девочки. Но взрослые не объяснили, кто они такие, и к пяти годам у Полли сложилось смутное впечатление, что быть плохим значит не ложиться спать, когда велено. В восемь лет она поняла, что в Школу можно запросто угодить, есликупить больше краски.

Она повернулась и зашагала между деревьев, исполненных птичьего пения.

Забудь, что ты Полли. Думай как мальчик. Вот что главное. Громко пускай газы и гордись этим,

двигайся как марионетка, у которой наугад обрежали пару ниточек, никого не обнимай, а если встретишь приятеля — отвесь ему тумака. Работая за стойкой, Полли получила много материала для наблюдений. Зато ей не приходилось думать о том, чтобы не качать на ходу бедрами. Природа и здесь ее обделила.

Нужно научиться ходить по-мужски. По крайней мере, женщины качают только бедрами. У молодых людей шевелится буквально все, что ниже плеч. А еще надо занимать как можно больше места, подумала Полли. Тогда ты сам кажешься больше, совсем как кот, распушивший хвост. Она не раз видела это в харчевне, когда одни большие парни выставлялись перед другими большими парнями. Я злой, я плохой, я крутой, гони пинту имбирного пива, а то мама велит мне быть дома к девяти...

Ну-ка попробуем. Руки подальше от тела, будто несешь пару мешков с мукой... так. Плечи вперед-назад, словно проталкиваешься через толпу... так. Руки полусогнуты и ходят по кругу, будто вращаешь две рукоятки, прикрепленные к поясу... так. Ноги расслаблены, переступают по-обезьяньи... так...

Она благополучно прошла несколько метров, а потом что-то сбилось, мышцы не поняли, что нужно делать, и отправили Полли кувырком в куст остролиста. После этого она сдалась.

Тем временем слышался гром; порой гроза висела над горами целые дни. Но, по крайней мере, дорога не превратилась в реку грязи, а на деревьях еще оставалось достаточно листьев, чтобы укрыться от дождя. Некогда было ждать хорошей погоды, Полли предстоял долгий путь. Вербовщик наверняка переправился на пароме, но Полли знали в лицо все паромщики, и сторож потребовал бы пропуск, которо-

го, разумеется, у Оливера Перкса не было. Значит, предстояло сделать крюк и добраться до тролльеого моста в Тюбце. Для тролля все люди одинаковы, и любой клочок бумажки сойдет за пропуск, поскольку читать тролли не умеют. Потом она дойдет сосняком до Плюна. Вербовщик непременно остановится там на ночь. Плюн — одна из тех захолустных деревень, которые существуют лишь потому, что обширные пустые пространства на карте действуют на нервы. Никто там не знал Полли. Никто туда не ездил. Плюн — просто дыра.

Такое-то место ей и нужно. Вербовщик остановится там, и она запишется. Полли не сомневалась, что толстый сержант и грязный маленький капрал не обратили внимания на девушку, которая подавала им еду накануне вечером. Она, как говорится, красотой не блистала. Капрал, впрочем, попытался ущипнуть ее за ягодицу, но скорее всего исключительно по привычке, как попытался бы прихлопнуть муху, да и какой это был щипок.

Полли остановилась на холме над переправой и позавтракала холодной картошкой и сосиской, наблюдая за паромом. Никого, кроме сержанта с капралом, в тележке не было. Парни из Мунца не спешили вступать в армию. Они предпочитали держаться подальше. В последние годы слишком много молодых людей ушли воевать и далеко не все вернулись. Да и вернулись порой не с полным комплектом конечностей. Капрал мог сколько угодно бить в большой барабан. Количество сыновей в Мунце сокращалось столь же быстро, как росло количество вдов.

День был жаркий и душный, и желтая славка следила за Полли, перелетая с куста на куст. Над вчерашней грязью поднимался пар, когда Полли подошла к тролльему мосту, висевшему над рекой в узком

ущелье. Он был тонким и изящным — поговаривали, что его выстроили без известки. Поговаривали также, что благодаря своему весу мост еще прочнее держится за камни по обе стороны. А еще говорили, что мост — настоящее чудо света; впрочем, немногие местные жители верили в чудеса, не говоря уже о том, чтобы повидать свет. За проход брали один пенни (или сто золотых, если к пешеходу прилагался козел¹). На полпути Полли глянула через перила и увидела тележку вербовщика далеко-далеко внизу — она катила по узкой дороге над самой рекой.

Дальше тропа все время шла вниз, через темный сосняк в ущелье. Полли не спешила. Еще до заката она увидела постоялый двор. Вербовщики уже приехали, но, судя по всему, сержант даже не старался произвести впечатление. Никто не бил в барабан, как накануне, и не кричал: «Подходи записываться, молкососы! В «Тудой-судой» хорошо живется!»

Война была всегда. Чаше всего происходили стычки на границе — нечто вроде соседской ссоры из-за того, что чья-то изгородь непомерно разрослась, только в национальном масштабе. Порой дела обстояли еще хуже. Мирлюбивую Борогравию окружали вероломные, злобные, воинственные враги. Ведь если бы они не были вероломными, злобными и воинственными, мы бы с ними не сражались, не так ли? Война была всегда.

Отец Полли служил в армии, прежде чем получить в наследство от Поллиного дедушки «Герцогиню». О войне он почти не рассказывал. Он принес с

¹ Тролли соображают не быстро, но и обиды не забывают долго.

собой саблю, но вместо того, чтобы повесить ее над очагом, ворошил ею огонь, словно кочергой. Иногда заходили старые друзья; закрыв ставни на ночь, они усаживались вокруг камелька, пили и пели. Маленькая Полли под разными предложениями оставалась и слушала песни, но развлечению пришел конец, когда она ввернула одно из самых интересных словечек в присутствии матери. Потом она подросла и стала подавать пиво; видимо, старшие решили, что она уже знает все интересные словечки — ну или скоро выяснит, что они значат. Кроме того, ее мать отправилась туда, где сквернословие не оскорбляет чужих ушей и теоретически вообще не существует.

Солдатские песни были частью ее детства. Полли наизусть знала «Весь мир перевернулся», «Дьявол — мой сержант», «Джонни ушел на войну» и «Девушку я оставил». А когда было выпито уже достаточно, старики затягивали «Полковника Свинского» и «Зачем я ее поцеловал?».

Ну и конечно, «Душку Полли Оливера». Отец пел ее, когда маленькая Полли капризничала или грустила, и она смеялась, просто потому, что в песне упоминалось ее имя. Она запомнила слова, еще прежде чем узнала, что значит большинство из них. А теперь...

...Полли распахнула дверь. Сержант-вербовщик и капрал сидели за грязным столом. Они подняли глаза, задержав пивные кружки на полпути к губам. Полли сделала глубокий вдох, подошла и попыталась отсалютовать.

— Чего тебе, парень? — прорычал капрал.

— Хочу записаться, сэр!

Сержант уставил взгляд на Полли и осклабился, так что шрамы у него на лице странно задвигались, а подбородки задрожали. Его нельзя было назвать

толстым — первым на язык проталкивалось слово «внушительный». Сержант принадлежал к тем людям, у которых вместо талии экватор. Воплощенная сила тяжести. Случись ему упасть — в любую сторону, — и он бы закачался, как яйцо. От солнца и спиртного его лицо побагровело, маленькие темные глазки мерцали на красном фоне, словно искры на лезвии ножа. На столе рядом с ним лежали две старомодные сабли — оружие скорее сродни мясницкому ножу, чем мечу.

— И все? — уточнил он.

— Да, сэр!

— Правда?

— Да, сэр!

— Ты не хочешь, чтобы сначала мы напоили тебя до соплей? Такова традиция, знаешь ли.

— Нет, сэр!

— Если не ошибаюсь, я еще не рассказал тебе о замечательных возможностях сделать карьеру и подзаработать.

— Нет, сэр!

— Я упомянул, что в шикарном красном мундире у тебя отбою от девчонок не будет?

— Кажется, нет, сэр.

— А харчи? Если ты в наших рядах, каждый ужин — это пир! — сержант похлопал себя по животу, вызвав некоторое волнение в прилегающих областях. — Я тому живое доказательство!

— Да, сэр. Нет, сэр. Я просто хочу записаться и сражаться за мою страну во славу Герцогини, сэр.

— Правда? — недоверчиво спросил капрал, но сержант его как будто не слышал. Он оглядел Полли с головы до ног, и у нее возникло отчетливое ощущение, что этот тип не настолько пьян и глуп, как кажется.

— Похоже, капрал Страппи, нам достался настоящий патриот старой закалки, — сказал он, не сводя глаз с лица Полли. — Ну что ж, ты обратился к кому надо, мальчик. — Он с шуршанием извлек стопку бумаг. — Знаешь, кто мы такие?

— Десятый пехотный, сэр, известный также как «Тудой-судой», сэр, — сказала Полли с облегчением. Она явно прошла испытание.

— Правильно, парень. Старые добрые Сырцееды. Самый лучший полк, какой только есть, в самой лучшей армии на свете. Хочешь вступить, э?

— Чертовски хочу, сэр, — ответила Полли, чувствуя подозрительный взгляд капрала.

— Молодец, парень!

Сержант открыл чернильницу, обмакнул металлическое перо и занес его над листом.

— Как звать?

— Оливер, сэр. Оливер Перкс.

— Возраст?

— В воскресенье исполнилось семнадцать, сэр.

— Ага, конечно, — сказал сержант. — Если тебе семнадцать, то я — Великая Герцогиня Аннаговия. Пустился в бега, э? Сделал какую-нибудь дочку матерью?

— Да ему в одиночку не справиться, — с ухмылкой заметил капрал. — Он же пищит, как сосунок.

Полли поняла, что начинает краснеть. Но ведь и юный Оливер покраснел бы, не так ли? Нетрудно вогнать парня в краску. Полли проделывала это одним взглядом.

— Неважно, — отрезал сержант. — Поставь тут крестик, поцелуй Герцогиню — и ты мой со всеми потрохами, ясно? Меня звать сержант Джекрам. Я теперь тебе вместо отца и матери, а капрал Страппи — вместо старшего брата. Каждый день будешь

лопоть бифштексы и ветчину, а если кто захочет тебя забрать, ему придется тащить и меня заодно, потому что я буду держать тебя за шиворот. Можете не сомневаться, господин Перкс, никому это не под силу. — Толстый палец уткнулся в бумагу. — Вот здесь.

Полли взяла перо и расписалась.

— Это что? — спросил капрал.

— Моя подпись, — ответила Полли.

Она услышала, как у нее за спиной открылась дверь, и обернулась. Несколько парней — точнее, *еще* несколько парней, мысленно оговорились Полли, — с шумом ввалились в трактир и подозрительно огляделись.

— Грамотный? — спросил сержант, посмотрев на новоприбывших и снова переведя взгляд на Полли. — Вижу, вижу. Красивый почерк, да. Такие, как ты, и выходят в офицеры. Дай ему шиллинг, капрал. И картинку не забудь.

— Слушаюсь, сержант, — капрал Страппи достал картинку в рамке с рукояткой, похожей на зеркало. — Чмокай сюда, рядовой Пукс.

— Перкс, сэр, — поправила Полли.

— Ну, Перкс. Целуй Герцогиню.

Это была дешевая копия знаменитой картины. Рисунок выцвел, и за потрескавшимся стеклом вырос мох. Задержав дыхание, Полли слегка коснулась Герцогини губами.

— На, — сказал Страппи и сунул ей что-то в руку.

— Что это? — спросила Полли, разглядывая бумажный квадратик.

— Считай, долговая расписка. Шиллингов у нас нехватка, — сказал сержант, а Страппи ухмыльнулся. — Но хозяин поставит тебе пинту эля за счет ее светлости.

Он повернулся и взглянул на новоприбывших.

— Однако вы прямо косяками идете. Хотите записаться, парни? А ведь мы даже в барабан не били. Наверное, все дело в удивительной харизме капрала Страппи. Подходи ближе, не стесняйся. Кто у нас следующий?

Полли взглянула на очередного новобранца с ужасом, который по мере сил постаралась скрыть. В сумерках она не разглядела его, потому что он был одет в черное. Не стильное, а пыльное черное, в таких костюмах обычно хоронят. Судя по виду, парень и впрямь не так давно прибыл с того света. Он изрядно зарос паутиной, а на лбу у него были швы.

— Как звать? — спросил Джекрам.

— Игорь, шэр.

Джекрам сосчитал швы.

— Так я, знаешь ли, и подумал, — сказал он. — Как вижу, тебе восемнадцать?

— *Пробудитесь!*

— Боги, боги... — командор Сэмюель Ваймс прикрыл глаза руками.

— Прошу прощения, ваша светлость, — сказал анк-морпоркский консул в Злобении. — Вам нехорошо, ваша светлость?

— Как бишь тебя зовут, молодой человек? — переспросил Ваймс. — Прости, но я две недели в дороге, мало спал и весь день знакомился с людьми, у которых очень сложные имена. Это вредно для мозгов.

— Кларенс, ваша светлость. Кларенс Трепло.

— Трепло? — переспросил Ваймс, и на его лице Кларенс прочитал все.

— Боюсь, что так, сэр, — ответил он.

— В школе хорошо дрался?

— Нет, ваша светлость, зато никто не мог меня обогнать на дистанции в сто ярдов.